
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<https://doi.org/10.5281/zenodo.4911290>

УДК 261.8

Андреев А.Н.

Андреев Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Россия, 454080, г. Челябинск, просп. Ленина, 76. E-mail: alxand@yandex.ru.

Межконфессиональные связи на Южном Урале в начале XX века по метрическим записям челябинского костела

Аннотация. В статье на основе метрических книг челябинской римско-католической церкви исследуются межконфессиональные связи, сложившиеся при участии католиков на Южном Урале в начале XX в. Главной формой межконфессионального взаимодействия признаны православно-католические браки и последующее воспитание детей разноверными супругами. Установлено, что младенцев, рожденных в таких браках, вопреки закону, часто крестили в костеле. Автор пришел к выводу о том, что челябинские католики сохраняли вероисповедную дистанцию и не стремились вовлекать в свою богослужebную жизнь православных. Несмотря на это, результатом близкого соседства православия и католичества стали нередкие обращения лиц «греческого закона» в латинскую веру.

Ключевые слова: межконфессиональные отношения, смешанные браки, католики, православные, Южный Урал, метрические книги, переходы в католичество.

Andreev A.N.

Andreev Aleksandr Nikolayevich, Doctor of Historical Sciences, Professor, South Ural State University, Russian Federation, 454080, Chelyabinsk, Lenin Avenue, 76. E-mail: alxand@yandex.ru.

Interfaith relations in the South Ural in the early 20-th century according to the metric records of the Chelyabinsk Catholic Church

Abstract. Based on the parish registers of the Chelyabinsk Roman Catholic Church, this article examines various inter-confessional relations that developed with the Catholics participation in the South Ural region in the early 20-th century. As the main forms of interfaith communication, the author recognizes marriages between Catholics and Orthodox Christians and also the subsequent children upbringing in these mixed unions. The article reveals that babies born to spouses of different faiths, contrary to the law, were often baptized in the Catholic Church. The author concluded that the Chelyabinsk Catholics maintained a religious distance and did not seek to involve the Orthodox Christians in their liturgical life. Despite this, the results of

the close proximity of Orthodoxy and Catholicism were the conversions of some Eastern Christianity persons to the papist religion.

Key words: interfaith relations, mixed unions, Catholics, Orthodox, South Ural region, parish registers, religious conversions.

Прихожанами челябинской римско-католической церкви в начале XX в. являлись люди самых разных национальностей – поляки, немцы, белорусы, литовцы, украинцы, чехи. Будучи единоверцами, они часто роднились между собой, заключая межнациональные браки и выступая крестными родителями для детей друг друга. Духовно-родственные и кровнородственные связи между ними, безусловно, спаивали религиозный коллектив в единое целое и способствовали его автономизации. Однако, при всей обособленности церковного быта, челябинские католики не могли избежать социальных, профессиональных, а иногда и религиозных контактов с окружавшим их православным населением. Эти контакты интенсифицировались благодаря увеличению численности и расширению территориальных границ прихода. Если в самом начале века католическая диаспора Челябинска исчислялась несколькими сотнями верующих, то к 1911 г. приход насчитывал уже около пяти тысяч взрослых мужчин и женщин, проживавших в селах и городах Челябинского, Троицкого и Кустанайского уездов [2].

Судя по метрическим книгам челябинского костела, православно - католические отношения на Южном Урале были более тесными и прочными в сравнении с опытами католическо-лютеранского взаимодействия. В частности, метрики костела совсем не зафиксировали брачных союзов католиков и лютеран и не отразили факты их крестного родства, несмотря на то, что лютеранская община, пусть и малочисленная, в регионе существовала. Российские католики, среди которых ощутимый процент составляли немцы, всегда отличались тяготением к немецкой лютеранской диаспоре [1, с. 10], но в Челябинске и его

окрестностях данное явление не наблюдалось. Местные лютеране, не имевшие кирки, очевидно, в значительной мере были подвержены католической ассимиляции.

Главной формой сближения католиков и православных на Южном Урале стали межконфессиональные браки. На архивных материалах 1907–1914 гг. их выявлено более десятка, что, в общем, немного в процентном отношении ко всем зафиксированным в документах костела супружеским парам (менее 0,5 %). Признать православно-католические союзы массовым явлением невозможно, тем не менее их существование способствовало разрушению стереотипа о «некрещеных ляхах» в общественном сознании. Челябинский ксендз Фома Пашкевич сокрушался: «Несколько раз я слышал, что православные спрашивают католиков: крещенные ли вы?» [3, л. 8]. Благодаря смешанным бракам и совместному воспитанию детей в общехристианских традициях этот вопрос терял значение.

Межконфессиональные связи в первую очередь были характерны для городских жителей, тогда как в сельской местности они не были столь выраженными или даже отсутствовали вовсе. Установлено, что почти все разноверные пары жили в Челябинске и Троицке, за исключением дворянина Витебской губернии Валентина Ивановича Венглинского, католика из пригородной Гороховой заимки, женатого на русской девушке Ольге Александровне Никитиной [5, л. 50]. Ольга Никитина, не желая разниться с мужем в вере, в 1911 г. подавала прошение о переходе из православия в католичество, однако получила отказ [3, л. 9–9 об.].

Конфессионально смешанные союзы заключались и регистрировались православными священниками, так как, по зако-

ну, «католическое духовенство (...) устранялось от совершения оглашения и венчания смешанных браков» [7, с. 317]. Дети в таких браках до достижения 14-летнего возраста должны были воспитываться исключительно в православной традиции, однако эта норма постоянно нарушалась – в ряде случаев о конфессионально смешанных браках мы узнаем именно благодаря тому, что детей разноверных супругов крестил ксендз. Например, в 1909 г. в костеле была крещена русская девочка Нина, дочь троицкого мещанина православного закона Валентина Петровича Девятова и католички Надежды Александровны Бурович [12, л. 10 об.–11]. Несовершеннолетние дочери челябинского инженера Федора Федоровича Матистова, женатого на «латинянке» Евгении Антоновне Пршибора, воспитывались католичками [9, л. 13 об.–14, 40]. Дети от брака поселянина Акмолинской области Сильвестра Полозова, в 1907–1909 гг. жившего в Челябинске и, по всем признакам, сохранившего православие, были крещены в веру матери, католички Агаты Баркановой, уроженки Велижского уезда Витебской губернии [8, л. 7; 12, л. 16, 113 об.]. Вместе с тем, очевидно, что выбор веры для ребенка определялся отнюдь не фанатичной позицией ксендза, а религиозными настроениями родителей, которые, по обоюдному согласию, могли воспитывать детей в православии. К примеру, дети крестьянина Николая Кадемцева, женатого на польке-католичке Иоанне Феликсовне, исповедовали православие, поскольку в реестрах крещенных в костеле лиц их имена не значатся [9, л. 42 об.]. Сын Павла Николаевича Соболева и шляхтянки из Люблинской губернии Ядвиги Адамовны Длугоновской, родившийся в Челябинске в 1908 г., судя по его имени (Сергей), скорее всего был крещен по православному обряду [9, л. 41 об.].

Католики Челябинска женились на русских православных девушках так же охотно, как и православные на католичках: например, бывший сеннинский мещанин Михаил Павлович Битый-Шляхто был же-

нат на Екатерине Федоровне Понтелеевой [8, л. 26]; ветеринарный врач Болеслав-Альберт Францевич Витковский – на Елизавете Диодоровне Масленниковой [8, л. 36]; отставной унтер-офицер Виктор Иосифович Вишневецкий – на Антонине Несмеяновой [10, л. 53 об.]; дворянин Варшавской губернии Мстислав Болеславович Залеский – на русской женщине Екатерине Комаровой [10, л. 13 об.–14]. Дети, рожденные в этих семьях, были крещены в костеле с явным нарушением закона.

Как можно убедиться, в конфессионально смешанных браках состояли не только простые обыватели, мещане или крестьяне, но и представители высшего сословия, местной интеллигенции, а также просто известные люди, чьи родственные отношения с «иноверцами» могли стать прецедентами при создании других семей. К именитым людям Челябинска относился полковник Дмитрий Иванович Вержейский, уездный воинский начальник с 1913 г. Он исповедовал православие, но еще в Могилевской губернии, где служил до своего прибытия в Челябинск, женился на шляхтянке-католичке Юлии Семеновне Дроблич-Дроблешевской [11, л. 45].

Принципиальным новшеством в межконфессиональных отношениях региона в начале столетия стал феномен католического конвертизма – в Челябинске впервые появились русские католики, перешедшие из православия. Они составляли примерно 1,2 % от прихожан костела, чьи имена отмечены в метрических книгах за 1907–1914 гг. Обращения православных в католичество, равно как и в другие христианские вероисповедания, были легализованы высочайшим манифестом от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости», а затем манифестом «Об усовершенствовании государственного порядка» от 17 октября того же года, отменившими судебные преследования за оставление «отеческой веры» [7, с. 311]. Анализ метрических книг челябинского костела показывает, что переходы в католичество обычно совершались из желания

обрести религиозное единomyслие в браке с инославными или вступить в супружество в запрещенных РПЦ степенях родства. Вознамерившись жениться на католичках, еще до вступления в брак, католиками стали следующие лица из русских жителей Челябинска: Михаил Александрович Ассаков, крестьянин Пермской губернии Ирбитского уезда Гаевской волости (заключил брак с Викторией Константиновной Чеховской) [12, л. 78 об.–79]; крестьянин той же губернии Михаил Еремин (женившийся на Юзефе Савицкой, дворянке из Вильно) [12, л. 100]; поселянин Тобольской губернии Тюменского уезда Караульнярской волости Борис Зырянов (супруга – немка Мария Фельдман) [10, л. 48]; личный дворянин из Екатеринбурга Семен Эпенетович Лебедев (вступил в супружество с Софией Эваристовной Качмарской) [6, л. 14; 9, л. 1 об.–2]. Их принадлежность к Римско-католической Церкви не вызывает сомнений, поскольку имена взяты из реестров сочетавшихся браком, в которых отмечалось, что жених и невеста «оба местные прихожане». Естественно, все они крестили своих детей в костеле. Возможно, католиком был крестьянин Андреевской волости Челябинского уезда Иван Никифорович Навалихин, состоявший в браке с католичкой Анной Бабуль. Их детей – Елену, Александра и Николая, – также крестил ксендз Фома Пашкевич [5, л. 28 об.–29; 8, л. 24 об.–25; 10, л. 6 об.–7].

Еще чаще «природную» веру оставляли русские девушки, выходявшие замуж за католиков, – как до венчания в костеле, так и после. Среди них – Елизавета Курочкова (в браке с белорусом Михаилом Балундзем) [5, л. 55; 8, л. 9, 37; 10, л. 8]; крестьянка Пермской губернии Евдокия Южакова (замужем за виленским мещанином Станиславом Малиновским) [12, л. 100]; донская казачка Мария Ивановна Караваева, родом из Михайловской станицы Хоперского округа (в браке с поляком Александром Осяковским, челябинским мещанином) [6, л. 17; 9, л. 5; 10, л. 39; 12,

л. 79]; крестьянка из Сухомесово Марфа Дорофеева (замужем за уроженцем Россиенского уезда Ковенской губернии литовцем Фомой Петрайтисом) [8, л. 35 об.; 12, л. 81]; крестьянка Пензенской губернии Агафья Бухова (супруг – Иосиф Пржедуловский) [8, л. 9; 9, л. 17, 40 об.; 11, л. 40; 12, л. 81, 98 об.]; крестьянка Авдотья Романова (супруг – Иван Радзюк) [10, л. 29]; Надежда Куминова (замужем за литовцем Петром Тимуком) [10, л. 17]; дочь челябинского канцелярского служащего Анастасия Григорьевна Рязанская, в 1914 г. венчавшаяся в костеле с литовским дворянином Эдуардом Шелковским [11, л. 34 об.]. Конвертитками могли быть также Варвара Казакова (в замужестве Прейшов) и Елена Кабакова (Реут). Первая вышла замуж за германского подданного Антона Прейшов – в 1907 г. они жили на хуторе Перешейко, а затем на хуторе Хортяковка в Челябинском уезде [5, л. 49]. Вторая в 1910 г. с мужем Казимиром Реутом и дочерью Юзефой проживала в Челябинске [10, л. 16].

Оригинальными причинами был вызван переход в католическую веру Семена Ивановича Васильева, троцкого мещанина, в 1909 г. служившего на станции Челябинск телеграфистом. После смерти своего родного брата Василия он решил жениться на его вдове Прасковье Федотовне, урожденной Рябковой (или Рыбаковой, в источнике присутствуют разные варианты написания фамилии). Такой брак не мог быть допущен православными канонами, поэтому Семен с Прасковьей приняли решение стать католиками. Их обращение в католичество состоялось весной 1909 г., причем, по заявлению челябинского благочинного о. Александра (Земляницына), оно «произошло до получения на то разрешения, лишь только истек законный срок со дня подачи заявления настоятелем» [3, л. 12]. Сын от первого брака Прасковьи Александр, родившийся в 1903 г. в Златоусте и приходящийся Семену Васильеву племянником, также был заблаговременно приведен в католичество. Любо-

пытно, что мальчика окрестили вторично, хотя Римско-католическая Церковь признает действенным православное крещение. Таинство было совершено в Челябинске 15 апреля 1909 г., а восприемником Александра выступил его родной дядя Семен [12, л. 18 об.–19]. Спустя неделю, 23 апреля, 21-летний телеграфист Семен Васильев венчался в костеле с 30-летней вдовой Прасковьей [12, л. 98 об.]. Через десять месяцев у них родился сын Владислав [10, л. 7 об.–8].

Считать отмеченные случаи конвертизма следствием целенаправленной католической пропаганды нет оснований, несмотря на то, что челябинский ксендз Фома Пашкевич все же подозревался в прозелитической деятельности. В департаменте духовных дел МВД в 1911 г. по этому поводу было произведено разбирательство, но состав преступления (прозелитизм по-прежнему являлся наказуемым деянием) не был доказан, и дело осталось без последствий [3, л. 19]. По мнению законоучителя челябинского реального училища Константина Прокопьева, ксендз пытался обратить в свою веру семью акцизного надзирателя Филиппова [3, л. 13 об.]. Были отмечены и другие эпизоды склонения в «латинство». Священник их наличие отрицал, однако из его показаний следует, что «природные» русские челябинцы сами по себе неоднократно выказывали стремление стать католиками. Ксендз писал: «Я ничуть не радуюсь, если даже кто-нибудь из здешних православных изъявляет желание присоединиться к католичеству. Когда в январе месяце сего года православные Петр Томилов и Ольга Никитина, исходя тайствовав разрешение господина Оренбургского губернатора о переходе в католичество, просили меня (...), я рапортами ясно донес, что они без убеждения переходят. Томилов и Никитина получили отказ» [3, л. 9–9 об.]. Означает ли это, что во всех остальных случаях православные южноуральцы переходили «с убеждением»? В 1909 г. католиком стал некий железнодорожный сторож при конторе начальника участка службы пути [3, л. 12 об.]. В мет-

риках отмечены в качестве лиц католического вероисповедания русские супруги Квашнины из Кочкаря – Николай Николаевич и Маргарита Петровна (урожденная Чукмасова) [5, л. 28], а также русская девица Вероника Рязанцева [12, л. 79]. Вполне возможно, что они стали жертвой пропаганды католиков – не обязательно священника, может быть, активных мирян, своих же родственников или знакомых, способных убедить в преимуществе римской веры.

Весьма редкими, но интересными формами православно-католических отношений на Южном Урале являлись крестное родство и участие в обрядах друг друга в качестве свидетелей. В основном, в крестные и свидетели католических таинств приглашали своих православных сродников и друзей русские католики-апостаты: крестной матерью Александра Васильева, например, выступила его бабушка Матрена Ивановна Рябкова (впрочем, она к тому времени тоже могла перейти в католичество), а свидетелями крещения младенца Владислава Васильева записаны Афанасия Федотовна Самохвалова и Лидия Петровна Сурина [10, л. 7 об.–8]. Свидетелем венчания русского католика Бориса Зырянова стал некий Виктор Пронин [10, л. 48], а при крещении Александра Навалихина в костеле присутствовал Яков Навалихин – скорее всего, брат отца крестника [10, л. 6 об.–7]. Совместное участие в крещениях практиковалось в смешанных православно-католических семьях: крестными родителями Нины Девятовой, дочери Валентина Петровича Девятова, стала католическая чета Лисковских, но крещение совершалось на глазах православных родственников семьи – Константина Петровича Девятова (дяди крещенной девочки) и Платониды Александровны Архиповой [12, л. 10 об.–11]. Прирожденные католики, как поляки, так и немцы, составлявшие большинство прихожан челябинского костела, духовно не роднились с православными и не нуждались в них как свидетелях таинств. Исключением стало участие в обрядовой жизни

костела русских жителей Челябинска Михаила Колобова и Татьяны Ждановой, которые 14 апреля 1909 г. выступили крестными родителями сразу для двух девочек из католических семей – Александры, дочери Якова Ящука, и Марии, дочери Франциска Октуловича [12, л. 19 об.–20]. Однако нет уверенности, что Колобов и Жданова к тому времени не отступили от православия по примеру некоторых своих земляков.

Очевидно, что челябинские католики все же избегали вовлекать в свою богослужебную жизнь православных, сохраняя религиозную обособленность. При этом они явно находились в сфере языкового и культурного влияния русских. Ксендз был обязан вести церковную документацию на русском языке, а приход жил по принятому в России юлианскому календарю. Нередко католики (особенно немцы - колонисты) при крещении своих детей выбирали те имена или их формы, которые сравнительно редко бытуют в католических странах, но весьма характерны для православных. Например, немцы называли дочерей Серафимами, Натальями, Людмилами, а сыновей – Никодимами, Викторами и Юриями [4, л. 10; 5, л. 34 об., 48 об.; 10, л. 20 об.–21; 12, л. 44 об., 72 об., 86 об.–87].

Метрические книги челябинского костела свидетельствуют о том, что в начале

XX столетия на Южном Урале активно формировался опыт мирного религиозного взаимодействия католиков и православных. Он не отличался большим разнообразием и не распространялся на значительную часть населения, но, тем не менее, был весьма продуктивным. Основной формой межконфессиональных связей в регионе следует признать создание смешанных православно-католических семей и воспитание в них детей. Укрепление межконфессиональных отношений в регионе не только снижало степень традиционного антагонизма между католиками и православными, но и в условиях либерализации религиозного законодательства способствовало появлению ценностей свободной личности, укрепляя право ее религиозного выбора. Практика участия православных верующих в католических крещениях, столь обычная в России с Петровских времен, оставалась на Южном Урале мало распространенной, что позволяет утверждать факт сохранения вероисповедной дистанции между членами обеих Церквей и доказывает ограниченный характер их взаимной аккультурации. Невзирая на это, очевидным результатом близкого соседства православия и католичества стали нередкие обращения лиц «греческого закона» в латинскую веру.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-49-740001 «“Европейская” составляющая южно-уральского социума: прихожане челябинского костела и их социальные связи в начале XX века».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев А. Н. Католический социум Санкт-Петербурга по метрическим записям прихода Греческой слободы (1710–1740 гг.): опыт составления и изучения базы данных // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2019. Т. 19. № 3. С. 6–15.
2. Ведомость о распределении жителей Оренбургской губернии по вероисповеданиям за 1910 год // Адрес-календарь и справочная книжка Оренбургской губернии на 1912 год. Оренбург: Губернская типография, 1912 (без пагинации).
3. Дело 1-го Отделения департамента духовных дел МВД о Пашкевиче Фоме // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 128. Д. 510. 20 л.

4. Книга об умерших Оренбургского и Челябинского костелов за 1907 г. // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 2292. Оп. 1. Д. 178. 15 л.
5. Книга о родившихся Оренбургского и Челябинского костелов за 1907 г. // ЦГИА СПб. Ф. 2292. Оп. 1. Д. 167. 56 л.
6. Книги повенчаных Оренбургского и Челябинского костела за 1907 г. // ЦГИА СПб. Ф. 2292. Оп. 1. Д. 156. 17 л.
7. Козлов-Струтинский С. Г., Парфентьев П. А. История Католической Церкви в России. СПб.: Белый камень, 2014. 740 с.
8. Метрические выписки о родившихся, браком сочетавшихся и умерших Челябинского римско-католического прихода за 1911 г. // ЦГИА СПб. Ф. 2292. Оп. 1. Д. 273. 41 л.
9. Экстракты метрических записей Челябинской римско-католической церкви за 1913 г. // ЦГИА СПб. Ф. 2292. Оп. 1. Д. 367. 47 л.
10. Экстракты по всем метрическим статьям Челябинской римско-католической церкви за 1910 г. // ЦГИА СПб. Ф. 2292. Оп. 1. Д. 237. 55 л.
11. Экстракты Челябинского римско-католического костела о рождениях, бракосочетаниях и погребениях за 1914 г. // ЦГИА СПб. Ф. 2292. Оп. 1. Д. 386. 49 л.
12. Экстракты Челябинского римско-католического приходского костела о родившихся, бракосочетавшихся и умерших за 1909 г. // ЦГИА СПб. Ф. 2292. Оп. 1. Д. 232. 117 л.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Andreev A.N. Katolicheskiy socium Sankt-Peterburga po metriceskim zapisjam prihoda Grecheskoj slobody (1710–1740 gg.): opyt sostavlenija i izuchenija bazy dannyh // Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija "Social'no-gumanitarnye nauki". 2019. T. 19. № 3. S. 6–15.
2. Vedomost' o raspredelenii zhitelej Orenburgskoj gubernii po veroispovedanijam za 1910 god // Adreskalendar' i spravocnaja knizhka Orenburgskoj gubernii na 1912 god. Orenburg: Gubernskaja tipografija, 1912 (without pagination).
3. Delo 1-go Otdelenija departamenta duhovnyh del MVD o Pashkeviche Fome // Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (RGIA). F. 821. Op. 128. D. 510.
4. Kniga ob umershih Orenburgskogo i Cheljabinskogo kostiolov za 1907 god // Central'nyj gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Sankt-Peterburga (CGIA SPb.). F. 2292. Op. 1. D. 178.
5. Kniga o rodivshihsjja Orenburgskogo i Cheljabinskogo kostiolov za 1907 god // CGIA SPb. F. 2292. Op. 1. D. 167.
6. Knigi povenchannyh Orenburgskogo i Cheljabinskogo kostiola za 1907 god // CGIA SPb. F. 2292. Op. 1. D. 156.
7. Kozlov-Strutinskij S.G., Parfentjev P.A. Istorija Katolicheskoi Cerkvi v Rossii. SPb.: Belyj kamen', 2014. 740 s.
8. Metriceskije vypiski o rodivshihsjja, brakom sochetavshihsjja i unershih Cheljabinskogo katolicheskogo prihoda za 1911 g. // CGIA SPb. F. 2292. Op. 1. D. 273.
9. Ekstrakty metriceskikh zapisej Cheljabinskoi rimsko-katolicheskoi cerkvi za 1913 g. // CGIA SPb. F. 2292. Op. 1. D. 367.
10. Ekstrakty po vsem metriceskim statjam Cheljabinskoi rimsko-katolicheskoi cerkvi za 1910 g. // CGIA SPb. F. 2292. Op. 1. D. 237.
11. Ekstrakty Cheljabinskogo rimsko-katolicheskogo kostiola o rozhdenijah, brakosochetaniyah i pogrebenijah za 1914 g. // CGIA SPb. F. 2292. Op. 1. D. 386.
12. Ekstrakty Cheljabinskogo rimsko-katolicheskogo prihodskogo kostiola za 1909 g. // CGIA SPb. F. 2292. Op. 1. D. 232.

Поступила в редакцию 17.05.2021.
Принята к публикации 21.05.2021.

Для цитирования:

Андреев А.Н. Межконфессиональные связи на Южном Урале в начале XX века по метрическим записям челябинского костела // Гуманитарный научный вестник. 2021. №5. С. 1-7.
URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2021/05/Andreev.pdf>